

В конце концов Сяхоу Лянь заставил Се Цзинланя забраться к нему на спину и, цепляясь руками и ногами, на четвереньках дотащился обратно во Двор Осеннего Тунгового Дерева.

Матушка Лань и Ляньсян стояли у входа и с тревожным видом вглядывались вдаль. Издалека заметив двух карабкающихся по земле людей, взгромоздившихся друг на друга, они даже подумали про себя: что за чудачки нынче пошли. Приглядевшись же повнимательнее, они сообразили: да ведь тот, что сидит сверху — не иначе как молодой господин!

Обе бросились им навстречу и в суете взвалили Се Цзинланя себе на плечи. Ляньсян потрогала его лоб и вскрикнула:

— До чего же горячий!

Матушка Лань потащила Се Цзинланя на спине вглубь двора, на ходу крича Ляньсян:

— Живо зови лекаря!

Сяхоу Лянь пластом рухнул на землю и издыхающим голосом завопил:

— Меня! Меня не забудьте! Я ведь тоже заболел...

Не успел он договорить, как перед глазами у него потемнело, и он потерял сознание.

Когда он очнулся вновь, то обнаружил, что лежит в дровяном сарае.

С чего бы ему быть здесь?

Некоторое время он соображал спросонья: воспоминания обрывались на моменте возвращения во Двор Осеннего Тунгового Дерева, и как он ни старался, вспомнить дальнейшее не удавалось.

Во рту пересохло до жжения, в горле словно застрял кусок железа, отдавая солоновато-сладким металлическим привкусом. Ему хотелось закашляться, но кашель не шел. Сяхоу Лянь подполз к двери и изо всех сил толкнул ее — в ответ раздался лишь лязг железного засова.

Дверь была заперта.

Да что здесь вообще творится?!

Сарай продувался всеми ветрами, и Сяхоу Лянь дрожал так, что стучал зубами. Свою ватную куртку он отдал Се Цзинланю, оставшись в одних исподних одеждах. Свернувшись калачиком, точно котенок, он продолжал непрерывно трястись от холода.

— Сяо Лянь! Сяо Лянь!

Сяхоу Лянь резко распахнул глаза: в небольшом оконце в стене показалось круглое личико Ляньсян. Увидев, что он пришел в себя, она просунула в решетку три паровых пампушки.

— Сестрица, пить хочу! — припав к земле и сгребая пампушки в охапку, запрокинул голову Сяхоу Лянь.

Ляньсян попыталась просунуть в щель бурдюк с водой, но решетка оказалась слишком узкой, а бурдюк — слишком большим, протиснуть его было никак нельзя.

— Я волью воду сверху, а ты открывай рот и лови внизу.

Сяхоу Лянь так и сделал: струйка воды с журчанием полилась вниз. Он изо всех сил разинул рот и с большим трудом сглотнул пару глотков.

— Попало? — с тревожным видом спросила Ляньсян, держась обеими руками за решетку.

— Попало, я в порядке. — Сяхоу Лянь схватил пампушку и принялся ее торопливо уплетать. — Что здесь вообще происходит? Почему я здесь?

— Только вы с молодым господином вернулись во двор, как главная госпожа прислала людей забрать тебя. Они заявили, что ты дерзил и подстрекал молодого господина к проказам, и велели тебя заточить. Ляньсян из кабинета шепнула нам, где ты, вот я тайком и пробралась сюда, — с трудом сдерживая слезы, проговорила Ляньсян. — Ах ты бестолковый мальчишка, я же говорила тебе не дурить, вот и дождался возмездия! Эй, жар спал? Как ты себя чувствуешь?

Вряд ли. Сяхоу Лянь и без прикосновений знал, что его лицо пылает пуще прежнего — пожалуй, на нем сейчас можно было бы яичницу поджарить.

— Эта старая ведьма, похоже, решила меня со свету сжечь. Раз до молодого господина ей пока не добраться, она решила отыграться на мне. Сестрица Ляньсян, придумайте что-нибудь, нельзя ли разыскать господина Дая, пусть он спасет меня.

Господин Дай отсутствовал в поместье, да к тому же посреди темной ночи где ж его искать? Ляньсян приоткрыла рот, но так и не решилась вымолвить правду.

— Ладно, жди. Говорят, зараза тысячу лет живет, а ты, бедствие ходячее, просто обязан продержаться.

— Не бойтесь, я живучий, как личинка жука-точильщика, так просто не подохну.

Ляньсян ушла, а Сяхоу Лянь не стал терять времени даром. Доев пампушку и почувствовав, что к нему немного вернулись силы, он с трудом переставил нывшие и онемевшие конечности, расчистил небольшой пятачок от мусора, набрал сухих веток и сложил их кучкой. Затем он принялся добывать огонь трением, до тех пор пока не стер руки в кровь и не высек крошечную искру. Упорно продолжая тереть сучья еще добрую половину дня, он наконец добился того, что хворост занялся.

Устроившись у огня, он почувствовал, что снова оживает, и опять свернулся клубком.

Пламя было слабовато, и в спину по-прежнему сильно тянуло холодом. Сяхоу Лянь невольно тревожился: неужели он и впрямь окочурится в этом месте?

Подумать только: он, истинный ассасин Цзялань Семи Листьев, погибнет от рук бабы, которая и курицу-то зарезать не способна — какой позор.

Сяхоу Лянь заворуженно глядел на огонь. Его клонило в сон, веки казались свинцовыми и неумолимо тяжелели. В туманной дымке ему показалось, будто дверь отворилась и внутрь вошел сгорбленный старик. Кто-то разжал ему зубы и влил в горло горький до одури лекарственный отвар. Сяхоу Лянь резко распахнул глаза и вцепился в огромную руку, похожую на железные клещи, отчаянно забиваясь.

— Это снадобье от простуды, чего ты бьешься? Жить надоело? — Старик отпустил его и с укоризной глянул на него сверху вниз.

Волосы и бакенбарды старика были совершенно седыми, нос украшала огромная горбинка, а один глаз заволокла мутная пелена, будто на него налипла тонкая пленочка. Обычно он ходил потупившись, но сейчас смотрел прямо на Сяхоу Ляня, и свирепость в его взгляде не оставляла никаких сомнений. Стоило взглянуть на эти глаза, и никому бы и в голову не пришло принять его за обыкновенного дряхлого старикашку.

Говаривали, что тот, кто отнимал чужие жизни, отличается от простых людей.

Сяхоу Лянь знал: все дело во взгляде.

В глазах человека, чьи руки обагрены кровью, залегло неизгладимое кровавое марево. Они убивали людей, видели хрупкость и беззащитность угасающей жизни, и потому в их глазах люди ничем не отличались от кур, уток, рыб или собак — перережешь глотку, и те точно так же задержат ногами кверху.

Сяхоу Лянь внезапно все понял:

— Так это тайный агент Цзялань. Младший проявил неуважение, пусть старший не гневается.

Старик опустил коробку с едой и окинул Сяхоу Ляня оценивающим взглядом снизу вверх. С каждым дюймом, на который поднимался его взгляд, старик тяжело вздыхал, и наконец его глаза остановились на лице Сяхоу Ляня с таким выражением, будто он созерцал кучу грязи, которую никак не удастся прилепить к стене, смешанную с полным отчаянием насчет туманного будущего Цзялань.

Сяхоу Лянь чувствовал себя так, словно с него сорвали одежды и вертели перед чужими глазами, отчего ему было не по себе. Отворотившись, он сам живо допил лекарство.

Когда он закончил, старик неторопливо вздохнул:

— Сяхоу Лянь, я слыхивал твое имя. И надо же, все вышло точно по предсказаниям — ты вылитая Гаруда.

— Еще бы, — расплылся в улыбке Сяхоу Лянь.

Старик добавил:

— Только вот я никак не ожидал, что отцовскую... то есть материнскую бесстыдную наглость Гаруды ты унаследовал все до капли, а вот ее смертоносного мастерства не перенял ни на йоту.

Сяхоу Лянь: «...»

— Послушай моего совета: из тебя паршивый ассасин, ты к этому делу вовсе не приспособлен. Ассасин должен быть тише воды ниже травы, затеряться в толпе — только так можно запутать следы. Кроме того, истинный ассасин обязан быть безжалостным к родным и близким, убивать богов на пути к богам и Будд на пути к Буддам. Твое поведение своенравно, а в сердце еще теплится жалость — ты не подходишь ни по одному пункту. Этот Се Цзинлань — всего лишь юный господин, которому на роду написано сгинуть в четырех стенах, а ты так переживаешь за него; как же ты тогда сможешь убивать других?

Старик рассыпался упреками, извергая потоки слюны, и если свести все сказанное к одной фразе, то выходило: дурень, возвращайся-ка ты подобру-поздорову в горы огород пахать да не позорь нашу Цзялань.

— Не верю! Если все обстоит так, как вы говорите, и ассасин не должен знать ни родных, ни близких, то зачем вы меня спасли? Зачем дядя Дуань возится со мной? Мой клинок разит лишь тех, кто заслуживает смерти, и рубит лишь тех, кого должно срубить!

— Я не убиваю тебя лишь потому, что ты — не моя добыча; а забочусь о тебе потому, что обещал Дуань Сялоу. Но стоило бы кому-нибудь назначить цену за твою голову, и, хм, я прикончил бы тебя не моргнув глазом! Малец, у тебя клинок Бодхи, но в сердце нет жажды убийства. Ассасин без жажды убийства рано или поздно кончит плохо!

Сяхоу Лянь упрямо вытянул шею в ответ:

— Кто сказал, что нет? Дайте мне клинок, я прямо сейчас пойду и прирежу эту старую ведьму по фамилии Сяо! Взмах клинка — и дело в шляпе, ручаюсь, рука не дрогнет.

— Это не жажда убийства, это месть. Зарезать того, кого ненавидишь — проще простого. А сумеешь ты убить случайного прохожего, с которым никогда прежде не встречался, или даже кого-то из близких и любимых? К примеру, хватит ли у тебя духу сейчас же убить Се Цзинланя? — Мутные глаза старика впились в Сяхоу Ляня с такой строгостью, что ее можно было назвать жестокой. — Если бы госпожа Сяо наняла Цзялань, чтобы купить жизнь Се Цзинланя, я тебе голову на отсечение даю: твоя матушка Гаруда пустила бы в ход клинок без малейшего колебания.

— Но матушка меня бы ни за что не убила, — потупившись, глухо произнес Сяхоу Лянь. — Никто не может предать кровные узы.

Старик презрительно усмехнулся:

— Ну и упрямец же ты. Ладно, даю тебе два выбора. Сам знаешь свое положение: госпожа Сяо считает Се Цзинланя бельмом на глазу и костью в горле, стоит ей топнуть ногой, и раздавит она далеко не одного муравья — ты же окажешься среди тех, кого прихлопнут заодно. Откажись от ремесла ассасина, и я выведу тебя отсюда. В Цзялань есть правило: попавший в лапы врага ассасин обязан покончить с собой. Но раз ты не ассасин, я могу тебя спасти.

Сяхоу Лянь, не задумываясь, ответил:

— Тогда ступайте себе, а я останусь здесь.

Не говоря уже о том, быть ассасином или нет, за Се Цзинланя он был неспокоен.

Да и черт с ним, даже если этот старый хрыч не придет на выручку, дядя Дуань не станет сидеть сложа руки.

Старик задергался от злобы, назвав его упрямым ослом, с раздражением шумно подышал носом, а затем вытащил из-за пазухи бумажный свиток и швырнул его в Сяхоу Ляня:

— Даю тебе палочку благовоний времени на то, чтобы заучить эту карту наизусть, а потом слушай внимательно и запоминай каждое мое слово.

Сяхоу Лянь восторженно выпрямился.

Значит ли это, что ему поручают дело? Неужели он наконец стал полноправным ассасином

Цзялань?

Он торопливо развернул свиток: то оказалась карта Поместья Се со всеми коридорами, павильонами, тропинками, дверями, окнами, рокайлями и деревьями. За последнее время Сяхоу Лянь исходил поместье вдоль и поперек и уже успел изучить его вдоль и поперек, к тому же обладал прекрасной памятью, так что заучить карту за отведенное время для него не составляло ни малейшего труда.

— Если удастся выбраться, выжди удобный момент, прокрадись в кабинет Се Бинфэна, отыщи его письма и составь список тех, с кем он переписывался. Запомни: во всем соблюдай осторожность, ни в коем случае не выдавай себя. Если что-то пойдет не так, на первом месте для тебя должно быть собственное спасение и отступление в безопасное место. Не справишься ты — найдется кто-нибудь другой, кто сделает это за тебя.

— Не беспокойтесь, пустячное дело.

Сяхоу Лянь знал о старых правилах Цзялань: если смертельный удар по плану не удался, следовало немедленно отступить. Цзялань никогда не шла на устранение цели любой ценой, поскольку на воспитание одного ассасина порой уходили долгие десятилетия, и подобных потерь организация позволить себе не могла.

До сих пор Сяхоу Лянь встречал на горе не больше двух десятков ассасинов.

Поглаживая карту, Сяхоу Лянь вновь засомневался:

— Зачем нам этот список? Не отразится ли это дурно... на клане Се?

Старик со злостью выдохнул носом воздух — на его лице явственно читалось разочарование.

— Я же говорил, что ты не годишься в ассасины: об одном беспокоишься, о другом тревожишься. Собираешься ты вообще становиться ассасином или нет? Не переживай, ничего страшного не случится: просто этот Се Бинфэн перешел кому-то дорогу при дворе, и кое-кто ищет на него управу, обвиняя в создании клик и корыстных заговорах.

Создании клик и заговорах? Поразмыслив с высоты своего скудного кругозора, Сяхоу Лянь решил, что это вроде бы не такая уж страшная вина. В балладах и сказаниях казнили за измену родине или распутство во внутренних покоях, а вот про смерть из-за дружеских связей он еще не слышал.

— Этот человек — лицемерный ханжа, фарисей, и потери своего поста он вполне достоин, — похлопав себя по груди, заявил Сяхоу Лянь. — Предоставьте это мне!

Старик забрал карту обратно, швырнул Сяхоу Ляню шерстяное одеяло, подхватил коробку с

едой и вышел из сарая, снова заперев дверь на замок.

— Мелкий, потрать это свободное время на усердное изучение техники владения клинком. Помоему, ты и в подметки не годишься Се Цзинланю — тот даже справляя малую нужду, умудряется стихи повторять.

Сяхоу Лянь поднял голову. Щель в двери была совсем узкой, и старик снаружи бросил на него через нее один взгляд. Сяхоу Лянь успел заметить лишь этот мутный глаз и почему-то подумал, что старик смотрит на него как на покойника.

Он вспомнил слова дяди Дуаня о том, что если его имя занесут в списки смертников, он наверняка не доживет и до двадцати.

Тьфу, мысленно возмутился Сяхоу Лянь: слепцы они все, матушкины дети, нечего людей со счетов списывать. Как говорится, не презирай юнца за бедность!

Сяхоу Лянь развернул одеяло — внутри лежала книга Каталога клинков Цзялань.

Эту книгу он перелистывал бесчисленное количество раз, но неизменно пролистывал первую страницу и сразу переходил к технике владения клинком. На этот раз, повинуясь какому-то внутреннему порыву, он не стал спешить к приемам, а раскрыл самую первую страницу.

Там было выведено всего одно предложение:

«Дарую тебе клинок Бодхи, убивай во имя спасения».

<http://bllate.org/book/26257/3145234>